

**ПЕТЕРБУРГСКИЙ МЕЖДУНАРОДНЫЙ
ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ФОРУМ 2019
ФОРМИРУЯ ПОВЕСТКУ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ**

**ЭНЕРГЕТИЧЕСКАЯ ПАНЕЛЬ
МИРОВАЯ ЭКОНОМИКА В ПОИСКАХ БАЛАНСА**

**ДОКЛАД И.И. СЕЧИНА
ЗОЛОТАЯ ЭРА ЭНЕРГЕТИКИ:
ПРОТЕКЦИОНИЗМ, РЫНОК ИЛИ РУЧНОЕ
УПРАВЛЕНИЕ?**

**Санкт-Петербург
6 июня 2019 года**

Уважаемые участники и гости Форума!

Я рад приветствовать всех гостей, принимающих участие в нашей сегодняшней встрече и выразить уверенность в плодотворном характере предстоящей совместной работы.

Хотел бы особенно отметить участие Министра энергетики Российской Федерации Александра Валентиновича Новака, руководителей наших уважаемых стратегических акционеров – компании БИ ПИ – Роберта Дадли, Министра финансов Катара господина Аль-Эмади и главу Инвестиционного фонда Катара (КБЮ-АЙ-ЭЙ, QIA) – господина Мансура Ибрагима Аль-Махмуда, руководителей наших партнеров, Китайской Национальной Нефтегазовой Корпорации – Ван Илиня, БЕЙКЕР ХЬЮЗ – Лоренцо Симонелли, ГЛЕНКОР – Айвана Глазенберга, ДЕ ГОЛЬЕР – Джона Уоллеса, ЭКСОН МОБИЛ – Нила Даффина, ЭКВИНОР – Эльдара Сетре, ТРАФИГУРА – Джереми Вейра, ВИТОЛ – Рассела Харди, ГУНВОР – Торбьёрна Торнквиста, представительную венесуэльскую делегацию, министров нефти Анголы, Ирака, послов Португалии, Индии, Мозамбика, Катара и Венесуэлы, руководителей российских регионов.

Также хочу выразить свою благодарность модераторам нашей дискуссии, доктору Нобуо Танака и Евгению Примакову, и всем уважаемым партнерам и гостям Форума.

Дискуссия на ПМЭФ в этом году проходит под знаком формирования повестки устойчивого развития, но ведем мы

ее в крайне непростое время. **Масса накопленных кризисных явлений на рынке мировой энергетики такова, что ключевым стал вопрос «Прошли мы или нет точку невозврата?». Ведь сегодня на второй план отошли рыночные принципы работы и взаимовыгодный диалог, а во главу угла встала стратегия регуляторного давления и односторонних санкций.**

Энергетика, как одна из наиболее глобальных отраслей, играющая бюджетно-образующую роль во многих странах, стала первой заложницей односторонней политической повестки, и налицо признаки расползания этой болезни на другие отрасли. Единственный глобальный регулятор не только не беспристрастен, но и очевидным образом обслуживает исключительно локальные интересы. Поэтому, перефразируя небезызвестный лозунг Президента Трампа («**Make America great again!**»), я хотел бы обратиться с призывом к участникам сессии сделать лейтмотивом сегодняшнего обсуждения и, может быть, даже общей последующей работы, лозунг «**Давайте вернем рынку его былое величие**» или, если хотите, «**Make the market great again**» или, для наших латиноамериканских друзей - «**¡Vamos a volver la grandeza propia al mercado!**».

Наша дискуссия всегда проходит продуктивно за счет активного участия и опыта моих коллег. Надеюсь, что обсуждение станет таким же полезным, интересным и значимым для мировой энергетики.

Должен, разумеется, упомянуть об ограничении ответственности ввиду наличия в моем выступлении оценочных и прогнозных суждений.

1. Вызовы, угрозы и неопределенности глобальной энергетической трансформации

Условия, в которых функционируют нефтегазовые рынки, постоянно меняются. Это связано как с объективными факторами развития мировой экономики и энергетики, так и с субъективными проявлениями геополитического характера. Сегодня мы наблюдаем возрастающее влияние на энергетические рынки именно от изменений в геополитике.

Главный возмутитель спокойствия – политика нынешней администрации США. Мы видим, что ее действия направлены на переформатирование мирового экономического и политического пространства, на слом формировавшихся десятилетиями рыночных взаимосвязей и на устранение правил конкуренции. Под огонь санкций и торговых ограничений попадают не только государства, в одностороннем порядке определенные Администрацией США как «страны изгои», но даже и традиционные партнеры из числа союзников Америки.

В чем причины такой политики? Думаю, они связаны с осознанием принципиального ослабления роли и возможностей Соединенных Штатов Америки в мировой экономике и политике. Конечно, это произошло не за год и не за два, но именно в последние годы стало очевидным, что Америка лишается своего доминирующего положения в мире. Еще в 2000 году превосходство США над Китаем по объему ВВП было почти трехкратным, но сейчас уже Китай превосходит США по объему ВВП по паритету покупательской способности почти на 25%. Согласно многим

аналитическим оценкам, к 2050 году превосходство экономики Китая над американской по ВВП, рассчитанному по паритету покупательной способности, станет двукратным. Уже сегодня позиция КНР, в том числе и как крупнейшего кредитора американской администрации с более, чем 1,1 трлн долл. принадлежащих КНР американских казначейских облигаций, позволяет говорить о наличии самых весомых инструментов влияния на экономику США.

В этих условиях США стремятся не только ускорить свое собственное экономическое развитие, но и затормозить количественный и качественный рост основных конкурентов, **что все больше ведет к потере Америкой лидерства морального, так как исторически эта страна была одним из основных идеологов открытого рынка и конкуренции.** Примерами здесь являются постоянное расширение спектра санкций (сейчас уже обсуждаются возможные санкции против стран, девальвирующих свою валюту) и блокирование возможностей развития компаний-конкурентов в других странах (компании энергетического комплекса России, включая, например, международных технологических партнеров проекта «Северный поток-2» – САЙПЕМ и ОЛЛ-СИС, ХУАВЕЙ, наконец).

Именно подавление конкурентов стало доминантой экономической и внешней политики США, а использование силовых методов решения проблем превратилось в особый американский стиль ведения дел, или же, цитируя недавнее высказывание заместителя министра иностранных дел Китая, г-на Чжан Ханьхуэй, в стиль **«обнаженного экономического терроризма и шовинизма».**

В качестве яркого примера можно привести компанию Русал, когда результатом нескольких санкционных итераций стала передача Администрации США фактического контроля над компанией и, следовательно, алюминиевой промышленностью Российской Федерации, а с учетом крупного пакета в «Норильском никеле» – не только в алюминиевой, но и никелевой, медной, платиновой и палладиевой и других сегментах российской промышленности, связанных с добычей и производством цветных и драгоценных металлов.

Сегодня, ключевым вызовом «глобальной энергетической трансформации», подразумевающей ускоренное развитие высокоэффективных энергосберегающих технологий, а также их адаптацию под быстро меняющиеся потребности рынка (в результате которой, например, в мире снизится содержание серы в топливах уже до 2020 года в 2,6 раза и сократятся выбросы сернистых соединений на 5 млн тонн в год), остается геополитическая нестабильность, которая усиливает риски добывающих стран, прежде всего, за счет действий, политики и, извините меня, даже «твитов» глобального регулятора в лице лидера США.

Для нефтегазовой отрасли ничего, кроме краткосрочных, единовременных рывков по цене эти комментарии в Твиттере не создают.

Иными словами, политика глобального регулятора создает неопределенность общего вектора развития и высокую волатильность рынков. Поэтому в нашем

обсуждении мы хотели бы сфокусироваться именно на вопросах преодоления внешних угроз, снижения волатильности и роста устойчивости мирового энергетического сообщества.

С фундаментальной точки зрения уже более 25 лет мировая экономика демонстрирует достаточно устойчивые и высокие темпы роста в среднем на уровне около 3,5% в год, и мы ожидаем продолжения относительно высоких темпов роста – основного фактора увеличения энергопотребления.

Вторым важным фактором, определяющим уровень потребления энергии в мире, является энергоемкость. Сегодня мы видим складывающийся уровень цен 60-70 долларов за баррель нефти, хотя, безусловно, последние данные по рекордному росту запасов в США, приведшие к недавнему снижению котировок нефти, показывают, что нас могут ожидать и достаточно серьезные показатели волатильности, вызванные, в том числе, и возможно некоторым манипулированием рынком. Тем не менее, с этими вводными, с учетом изменения структуры ВВП за счет опережающего роста технологического сектора скорость снижения энергоемкости мирового ВВП в обозримой перспективе вряд ли превысит 1,5-2,0% в год.

С учетом этого мы полагаем, и ведущие отраслевые аналитики с этим согласны, что спрос на энергоресурсы до 2040 года будет расти темпами около 1,5-2,0% в год. В структуре спроса произойдут изменения, связанные с внедрением энергосберегающих технологий и обязательств

по снижению выбросов, но в целом динамика достаточно позитивная, определяемая, прежде всего, продолжающимся ростом ВВП и повышением стандартов жизни человечества на ближайшие десятилетия.

Экологические требования приведут к **снижению доли угля в энергетическом балансе с текущих 27% до 21%**. Однако уголь останется важным ресурсом в балансах таких стран, как Китай и Индия, где его доля даже на перспективу будет весомой – на уровне 40-50%.

Безусловно, альтернативная энергетика (в основном, солнечная и ветровая) при сохранении текущего режима регуляторного и фискального стимулирования будет расти наиболее быстрыми темпами – более чем на 2% ежегодно. Этому будет способствовать снижение стоимости электроэнергии солнечной генерации, которая за последние 10 лет сократилась в 2 раза и в отдельных странах с климатическими особенностями, позволяющими решить проблему резервирования, уже «догнала» по эффективности традиционную энергетику, **но доля таких стран в общем энергобалансе достаточно мала**. Вместе с тем, для сравнения в абсолютных значениях стоимость самой эффективной солнечной энергии все равно в три-четыре раза превышает стоимость электроэнергии на российском внутреннем рынке, вырабатываемой, прежде всего, за счет традиционных ископаемых источников.

Но всё же, несмотря на продолжающееся снижение стоимости альтернативной генерации и кажущуюся общедоступность ветра и солнца, она требует пока еще отсутствующего решения проблемы накопления

электроэнергии. В результате, вклад альтернативной энергетики в мировой энергобаланс останется сравнительно небольшим, увеличившись с текущих 12% до 16% к 2040 году. Если конечно, к 2040 году (а это, все-таки, долгий горизонт) мы не увидим в какой-либо форме прорывного прогресса фундаментальной физической науки в вопросе построения реактора управляемого «термоядерного синтеза», что может принципиально изменить эти оценки, хотя возможность этого на сегодня все-таки остается скорее низкой с учетом очередного переноса сроков запуска крупных экспериментальных проектов.

В отсутствие таких прорывных решений газ, как наиболее экологически чистое ископаемое топливо, придет на смену не только углю, но и атомной энергии, так как ряд стран считает это направление потенциально опасным. Вообще говоря, атомная энергетика, так же как и Интернет, была и, я думаю, в обозримом будущем останется частью отрасли «двойного назначения», позволяющей компенсировать связанные расходы военно-промышленного комплекса.

Природный газ, в отличие от альтернативной генерации, может обеспечить стабильное производство электроэнергии. Более того, природный газ является перспективным топливом для большегрузного автомобильного транспорта и морских судов, и мы прогнозируем увеличение спроса на газ со стороны транспортного сектора в 5 раз к 2040 году. **Поэтому спрос на газ будет расти самыми быстрыми темпами среди ископаемых топлив (на уровне порядка 2% в год), что приведет к росту его доли в энергобалансе с 22% до 25% к 2040 году.**

Спрос на нефть будет уверенно расти примерно на уровне **около 1% в год**, что означает **увеличение потребления в абсолютных объемах**. К **2040 году** потребление нефти в мире увеличится примерно на **20 млн барр./сут.** Поддержку спросу на нефть и нефтепродукты окажут как повышение уровня жизни в развивающихся странах и массовое распространение в них легкового транспорта, так и устойчивый спрос со стороны нефтехимии, которую мы видим как одну из основных точек роста в мировой энергетической отрасли.

В результате, **хотя доля нефти в мировом энергетическом балансе снизится с 32% сейчас до 28% в 2040 году**, ее потребление будет расти в абсолютных цифрах, а ее роль как основы современной энергетики останется центральной. Рост спроса на нефть неизбежен.

2. Безуглеродная энергетика

В этой связи считаю необходимым **коснуться многочисленных и популярных сегодня сценариев «низко-углеродного развития»**. Главная их особенность состоит в том, что они являются примером прогнозирования, в котором допущения являются определяющими для прогноза, и поэтому обоснованность таких прогнозов оставляет желать лучшего.

Важнейшей и, по сути, единственной обосновывающей составляющей «зеленых» сценариев, является тема опережающего роста использования возобновляемых источников энергии. **Но эти сценарии невозможно обосновать ни наблюдаемыми тенденциями динамики**

энергоемкости, ни доступными технологическими изменениями, ни структурными сдвигами в мировой экономике.

Показательным примером в осознании рынком как минимум туманных коммерческих перспектив знаковых проектов в области «новой энергетики» являются электромобили. Я детально говорил об этом феномене переоцененности еще два года назад, в июне 2017 года, когда цена акций «Тесла» была на уровне 340 долларов за акцию. Те, кто услышал меня тогда и продал акции, могли хорошо заработать – ведь текущая цена акций «Тесла» не превышает 200 долларов. **Но те из вас, кто услышит меня сегодня, могут заработать больше.**

В общественном мнении сложился стереотип, что электромобили с легкостью «задавят» нефтяную отрасль и массовое их распространение – дело ближайшего будущего. Мы неоднократно отмечали, что распространение электромобилей будет, в лучшем случае, носить локальный характер в крупных агломерациях Европы, США и стран АТР, так как их использование требует определенных климатических условий и высоких затрат на создание инфраструктуры. Даже в Германии, крупнейшем автопроизводителе Европы, где значительные средства инвестируются в их производство, а также в субсидирование покупки и развитие инфраструктуры количество электромобилей в настоящее время составляет лишь около 200 тысяч (менее 0,5% от легкового автопарка), а планы по достижению 1 млн штук к 2020 году, очевидно, будут не

выполнены.

Также не нужно забывать о том, что производство электроэнергии для электромобилей осуществляется на станциях, работающих на ископаемом топливе, из-за чего полный «углеродный след» (в той же Германии доля угольной генерации составляет 34%) остается высоким. Я уже не говорю о том, что трудно назвать экологичным транспорт, содержащий в себе значительные объемы лития и кобальта. Никто сегодня не имеет ответа на вопрос о том, как построить по-настоящему замкнутый, полный цикл оборота этих металлов в аккумуляторах, а про их исключительный вред для окружающей среды (те же соединения фтора, которые выделяются при повреждении литий-ионных батарей, более опасны для человека, чем свинец) написано гораздо больше, чем мы можем обсудить сегодня на нашей сессии.

С учетом того, что электромобили не решают ни проблему сокращения выбросов, ни проблему вредных производств, **в обозримом будущем доля электромобилей в мировом автомобильном парке не превысит 12-15%, что в части абсолютных значений будет компенсировано ростом традиционного транспорта в развивающихся странах.**

Нельзя также забывать о том, что технологии, которые внедряются в электромобилях, еще недостаточно отлажены. Аварии беспилотных автомобилей (а ведь количество аварий с беспилотными моделями на 1 км более чем в 10 раз превосходит показатели традиционных автомобилей) и другие примеры в транспортной индустрии указывают на

наличие существенных ограничений в расширении сфер использования искусственного интеллекта в средах, связанных с риском для жизни человека.

3. США – Золотая эра энергетики или предвыборные обещания?

Но все же главным фактором изменений на мировых энергетических рынках остается объем добычи нефти в США. От этого, в конечном итоге, зависит предложение жидких углеводородов в мире, баланс спроса и предложения, цены на нефть, а также цены на все остальные энергетические ресурсы. Ведь нефть как крупнейший компонент сырьевых рынков сегодня воспринимается инвесторами не только как отдельный класс активов. С середины 2000-х нефть стала более резко реагировать на финансовые потоки в зависимости от роста или снижения рисков, по сути дела приняв на себя роль центрального звена на пересечении финансовых и сырьевых рынков.

Президент США Д. Трамп 14 мая этого года заявил о начале «Золотой эры американской энергетики» и обеспечении американского энергетического господства за счет выхода из Парижского соглашения по климату, отказа от дорогостоящих планов в области чистой энергетики, облегчения доступа к природным ресурсам, стимулирования добычи нефти и газа, развития энергетической инфраструктуры, расширения экспортных возможностей для американских производителей энергоресурсов.

Фундаментально, исходя из объективного положения на

кривой затрат, сланцевая добыча не могла конкурировать с дешевыми традиционными источниками энергии. Но необходимо отдать должное американским регуляторам, которые смогли придать необходимый импульс развитию отрасли в США путем снижения налогов, регуляторных барьеров и смягчения экологических требований по сжиганию газа и водопользованию.

Вместе с этим, нельзя назвать случайным тот факт, что в день, когда Д. Трамп провозгласил «Золотую эру американской энергетики», в Сенате США был представлен законопроект, который напрямую касается запрета газопровода «Северный поток-2».

Ряд комментаторов любит обвинять Россию в использовании энергетики как политического инструмента. Вместе с тем, бесспорным фактом, реалией сегодняшней жизни является то, что энергетику как политическое оружие масштабно используют США. Ввод санкций или даже угроза их применения разрушительно влияют на рыночную экосистему мировой энергетики.

Американский «золотой век» для всех остальных участников рынка может оказаться веком энергетического колониализма. Должны ли потребители энергии в мире становиться заложниками безостановочной предвыборной кампании в США?

Мировая нефтегазовая отрасль стала заложницей политики. Мы уже неоднократно предупреждали об опасности односторонних решений и отсутствии диалога. Сейчас очевидно, что «болезнь» разрастается и охватывает всё больше отраслей. США для оказания

давления на нефтегазовый сектор выбирают те страны, бюджеты которых в основном формируются за счет доходов от экспорта энергоресурсов. В дополнение к прямому воздействию через санкции добавляется и косвенное, например, некоторые страны оказываются отрезанными от поддержки МВФ, который тем самым нарушает основополагающие принципы своей работы.

Санкции приобретают новые измерения и причины. Так, **Администрация США намерена ввести санкционные меры против стран, которые якобы манипулируют своими валютами, при этом мы все понимаем сложность в установлении объективных критериев манипуляции.** Американским и международным компаниям выдаются призывы в форме твитов Президента Трампа (как, например, в мае этого года) переносить свои производства в США, чтобы не попасть под удары американских же тарифных и регуляторных действий. Этим же регулятором активно используется и инструмент финансовых рынков, за счет которого создаются дополнительные конкурентные преимущества для американских компаний.

Знаковый шаг в распространении санкционной болезни – это ситуация с одним из китайских технологических лидеров, компанией ХУАВЕЙ, на которую оказывается прямое давление через такие меры, как арест финансового директора компании, запрет американским технологическим компаниям (в их числе ГУГЛ, ИНТЕЛ) сотрудничать с ХУАВЕЙ.

Думаю, что китайские коллеги обладают достаточным набором инструментов для обратной реакции, поэтому,

обсуждение в СМИ возможности запрета экспорта редкоземельных металлов из Китая в США в качестве ответной меры, возможно, небезосновательно. Такой механизм воздействия был бы весьма действенным, так как 80% редкоземельных металлов производятся в Китае.

КНР проводит свою политику максимально прозрачно и конструктивно. Так, 2 июня Китай анонсировал свою «Белую книгу» – **свод основных принципов развития китайско-американских торговых и инвестиционных взаимоотношений.** Интересно, что документ содержит прямые обвинения США в отказе от обещаний, в неискренности и в провокации «трений». При этом нам становится очевидно, что **Китай ни в коем случае не пойдет на уступки по принципиальным для себя вопросам, что означает возможность новых витков эскалации торгово-тарифного противостояния.**

Казалось бы, 2018 год должен был стать годом роста, тем более, что мы увидели возобновление инвестиционной активности мейджоров и начало реализации большого числа новых проектов – более 49 крупных проектов в глобальной нефтегазодобывающей отрасли.

В то же время, возврат санкций в отношении Ирана, введение санкций против Венесуэлы, страны, которая обладает крупнейшими в мире запасами нефти, а также секторальные санкции в отношении российских нефтегазовых компаний, привели к тому, что **общий объем жидких углеводородов, подвергшихся односторонним**

ограничениям достиг около трети мировых запасов! Это своеобразный антирекорд, которого никогда не было в истории мировой экономики. Ни у кого не должно быть никаких иллюзий – санкционное давление США на Иран и Венесуэлу ставит своей целью ни что иное, как разрушение экономики этих стран и смену их суверенного руководства.

Добыча в Венесуэле только за последний год сократилась почти вдвое. Введенные с января этого года санкции, направленные на запрет импорта венесуэльской нефти и поставку в эту страну нефтепродуктов, приведут к тому, что мы, возможно, увидим новое падение добычи.

Параллельно, с целью оказания давления на экономику и на дестабилизацию социальной и политической ситуации в Иране предпринимаются дополнительные действия санкционного характера в отношении нефтегазодобывающего сектора этой страны. В результате добыча в Иране за последний год снизилась на 33% (до 2,6 млн барр./сут) и к концу следующего года может снизиться еще на 10-20% (до 2,2 млн барр./сут).

Иран и Венесуэла вместе с Ираком, Ливией и Нигерией образуют «хрупкую пятерку», как их называет СИТИБАНК, и вместе обеспечивают более 10% мировой добычи. Нестабильность в этих странах оказывает давление на рынок, а разные формы давления на тех добросовестных участников рынка, которые все-таки работают в этих странах, не исчерпываются административными делами.

Безнаказанность санкционной политики США в отсутствие реакции мирового сообщества способствует ее

тиражированию на других энергетических рынках. По заявлению Департамента энергетики США, его усилия по развитию экспорта газа «позволяют экспортировать молекулы американской свободы по всему миру». Так, в начале мая Минэнерго США выдало разрешения на экспорт СПГ по двум строящимся проектам суммарной мощностью 60 млрд кубометров газа в год и этот СПГ фактически «адресован» Европе, так как Администрация и Конгресс США уже неоднократно давали понять, что не допустят увеличения поставок российского газа в Европу. В этой связи довольно своеобразным является сравнение, сделанное Министром энергетики США Риком Перри, что «лучше купить дорогой Мерседес или БМВ, чем дешевую машину, и лучше купить дорогой американский газ, чем дешевый российский».

Поведение США на мировом рынке нефти связано с тем, что в этом году добыча нефти в штате Техас, где расположена основная часть Пермского бассейна и бассейн Игл-Форд, а также другие сланцевые и традиционные формации, уже достигла 5 млн барр./сут, превысив суммарную добычу Ирана, Венесуэлы и Ливии. Этот результат был достигнут не столько за счет реализации сланцевых проектов, сколько за счет введения все новых санкций, из-за которых добыча в Иране и Венесуэле резко сокращается. В результате, если в 2018 году под удар санкций попало около 1,5 млн барр./сут мировой добычи, то в текущем году этот объем может вырасти до 2,5 млн барр./сут.

Некоторые американские аналитики, в целях повышения эффективности американской промышленности при увеличении сланцевой добычи ставят прямой вопрос о

необходимости балансировки рынка за счет значительного встречного сокращения (до 3 млн барр./сут) добычи странами ОПЕК+.

Дальнейший рост добычи в Техасе может потребовать «новой санкционной жертвы», на которую могут обрушиться санкции США для того, чтобы вместо этой страны поставить на рынок нефть из Техаса. И такой жертвой может стать любая добывающая страна.

Усиление давления США на мировой рынок нефти было бы невозможно без изменения статуса США на экспортера нефти. С момента снятия в конце 2015 года запрета экспорта, действовавшего на протяжении 40 лет, США крайне быстрыми темпами наращивают экспорт нефти: по сравнению с 2015 годом он вырос в 6 раз и уже достиг 2,7 млн барр./сут, что сопоставимо с добычей таких стран, как Бразилия, Кувейт, ОАЭ.

Расширяется и география поставок. Если раньше американскую нефть приобретали лишь ближайшие соседи США, то сейчас количество импортеров превысило 40 стран.

Активное строительство трубопроводной и портовой экспортной инфраструктуры позволит уже в ближайшие годы не только практически удвоить объемы экспорта нефти из США до 5 млн барр./сут, но и создать «запас» под дальнейший рост добычи. В частности, по текущим оценкам, профицит трубопроводной инфраструктуры к концу 2020

года составит около 1 млн барр./сут. Уже в 2020 году США станут чистым экспортером нефти, а в 2024 году мощности по экспорту нефти и нефтепродуктов из США могут составить 9 млн барр./сут.

Инвесторов в сланцевую нефть, включая мейджоров, привлекает, в первую очередь, **ожидаемая высокая доходность** этих проектов, которая превышает 30-40% по крупнейшим компаниям, что во многом объясняет по-прежнему высокую активность финансовых инвесторов и фондов частных инвестиций на этом рынке. **Феномен «сланцевой революции второго поколения» – это не просто увеличение добычи. Это также создание взаимосвязанного комплекса добывающих, инфраструктурных и сервисных компаний, научно-технических организаций, ведь рост добычи немыслим без новых технологий.** С учетом масштабного входа на сланцевый рынок мейджоры создают собственные интегрированные сервисные подразделения для консолидации технических и специализированных коммерческих навыков в области разведки и добычи, выделяя центры компетенций новых технологий и инноваций, а также для мобилизации ресурсов для работы именно с американской сланцевой добычей.

Вместе с тем, сланцевая революция практически **утроит выбросы американской нефтегазовой промышленности за счет сжигания газа**, при этом данные, собранные со спутников, и официальные данные штатов по сжиганию газа расходятся в разы, что еще раз подчеркивает реальные экологические риски сланцевой добычи.

Второй этап сланцевой революции позволил перенести сроки наступления пика сланцевой добычи с середины 2020-х годов на начало/середину 2030-х годов. Однако неочевидно, сможет ли она обеспечить долгосрочный прирост поставок? Приглашаю участников сегодняшней панели обсудить и эти вопросы.

4. Ответ мировой отрасли – страны и международные компании

С учетом внешних вызовов и волатильности мы наблюдаем эффект обострения конкуренции за инвестиции, прежде всего, в части снижения налогового бремени и создания разнообразных стимулов. Определим это как **феномен «конкуренции налоговых режимов»**. При этом, я хотел бы обратить внимание на динамику налоговых режимов в странах-регуляторах или, как называет их мой друг и коллега Эд Морз, в триумвирате «Орла, Верблюда и Медведя».

В США в последние годы предприняты беспрецедентные меры поддержки отрасли за счет снижения налоговой нагрузки и регуляторных барьеров. **Гибкость, скорость и решительность американского регулятора в решении фискальной задачи для отрасли заслуживает общего признания.** В частности, снижение налога на прибыль (с 35% до 21%) позволило сланцевым компаниям значительно нарастить инвестиции. В 2018 году отрасль, с учетом всех налоговых послаблений и улучшения ценовой конъюнктуры, показала хотя и небольшой, но все-таки положительный

свободный денежный поток. Низкая стоимость долларового финансирования, сдерживания роста процентной ставки и высокая доступность как частного, так и публичного финансирования являются важными составляющими ускоренного роста инвестиций.

Произошедшее с 2017 года снижение налоговой нагрузки в Саудовской Аравии (ставка налога на прибыль снизилась с 85% до 50%, снизились ставки роялти) привело к тому, что по итогам 2018 года национальная нефтегазовая компания САУДИ АРАМКО показала мировой рекорд по чистой прибыли, превысив 100 млрд долларов. Отдельно отмечу, что САУДИ АРАМКО получает и **дополнительные неналоговые стимулы, в том числе, и за счет компенсации низких цен на внутреннем рынке, которые за прошлый год составили 41 млрд долл.** Отмечу, что для бюджета Саудовской Аравии, решение о стимулах непростое и крайне ответственное, понимая, что бюджет страны сбалансирован на уровне не менее 85 долларов.

Власти Китая, реагируя на замедление темпов экономического роста, также приступили к разработке мер по стимулированию экономики путем точечного субсидирования и снижения налогов. В частности, снижена с 6% до 4,2% ставка налога на добычу сланцевого газа, предприняты меры по снижению налогов на операции с нефтяными фьючерсами на Шанхайской энергетической бирже. В 2019 году были снижены ставки НДС и ставки социального страхования, что по оценке китайских властей должно снизить налоговую нагрузку примерно на 300 млрд долларов в этом году.

В России отмечаются разнонаправленные тенденции

– российский регулятор балансирует между задачами наполнения бюджета и стимулирования экономического роста с одновременным поиском решений социальных проблем за счет рынка. Здесь нам бы хотелось выразить надежду на возврат к рыночным формам регулирования и принципам ценообразования с целью устранения дисбалансов на рынке нефтепродуктов.

Со своей стороны, и, во-многом, реагируя на политику фискальных регуляторов, крупнейшие мировые энергетические компании по-разному адаптируются к долгосрочным изменениям рынка энергоресурсов и требованиям климатической повестки. Если раньше их приоритеты были более схожими, то теперь разные компании делают ставки на разные бизнесы.

Американские компании, такие как ЭКСОН МОБИЛ и ШЕВРОН, наращивают инвестиции в сланцевую добычу и связывают свое будущее с этими проектами. Так, ЭКСОН МОБИЛ планирует практически 6-кратный прирост сланцевой добычи углеводородов с текущих примерно 200 тыс. барр. н.э./сут до уровня свыше 1,1 млн барр. н.э./сут к 2025 году. Планы ШЕВРОН, несмотря на несостоявшуюся сделку с АНАДАРКО, не менее амбициозны. Компания планирует трехкратный рост добычи сланцевых нефти и газа с текущих 300 до 900 тыс. барр. н.э./сут к 2023 году.

Для достижения этих целей обе компании интегрируют свои активы в Пермском бассейне по всей цепочке стоимости. ЭКСОН МОБИЛ также создал единый выделенный центр технологий и внутреннего сервиса в виде компании

«ЭКСОН МОБИЛ интегрированные решения». Все это позволяет реализовать дополнительные синергии, и выполнить поставленные задачи.

Другие компании, к примеру, ЭНИ и ТОТАЛЬ, напротив, фокусируются на «традиционной» добыче.

Еще одним направлением, приоритетным для ряда компаний, включая ШЕЛЛ, БИ ПИ и ТОТАЛЬ, стал глубоководный шельф.

Одновременно с этим, ЭКСОН МОБИЛ, ШЕЛЛ, ТОТАЛЬ и ЭНИ делают акцент на развитии бизнеса СПГ. Не стоит забывать, что в США компании сталкиваются с избытком газа, который, по сути, является **побочным продуктом** добычи сланцевой нефти, и такой акцент является для них во многом вынужденным. В результате СПГ-проекты, планирующиеся к вводу на побережье Мексиканского залива, потенциально позволяют компаниям демпинговать, выдавливая конкурентов с традиционных рынков.

Ряд компаний, включая ТОТАЛЬ, ЭКВИНОР и БИ ПИ, делает ставку на **развитие возобновляемой энергетики**. Так, ЭКВИНОР планирует к 2030 году направлять 15-20% своих капвложений в возобновляемую энергетику против текущих 5%. Компания ТОТАЛЬ ставит своей целью через 20 лет повысить долю низкоуглеродных бизнесов в своем портфеле до 20% и стать лидером в области солнечной энергетики. БИ ПИ намерена инвестировать до полумиллиарда долларов ежегодно в «зеленую» энергетику.

Еще более амбициозные цели по сокращению парниковых выбросов ставит перед собой ШЕЛЛ, планируя сократить выбросы как минимум на треть к 2070 году за счет

увеличения производства газа и альтернативной энергетики.

САУДИ АРАМКО, в свою очередь, делает акцент на развитии **переработки и нефтехимии** (как часть программы капитальных вложений в объеме до 500 млрд долларов на ближайшие 10 лет). В качестве одного из ключевых партнеров в этих проектах выбраны американские компании. Вместе с тем, в отсутствие прозрачного «раскрытия», которое предполагалось в рамках АЙ-ПИ-О (IPO) этой компании, которое так и не состоялось, объективная рыночная информация об объёме извлекаемых запасов Саудовской Аравии пока отсутствует.

Отдельный феномен, который необходимо отметить – это рост важности и начало проникновения в нефтегазовую отрасль технологических лидеров, большинство которых имеют американские корни – тех же ГУГЛ, ЭПЛ, АМАЗОН и ФЕЙСБУК. Мы видим их значительные инвестиции в разработку универсальных технологических решений по обработке больших массивов данных, развитию альтернативных форм транспорта, включая беспилотные автомобили и экосистемы «экономики совместного использования», а также в мир финансово-валютных инструментов, причем эти инвестиции осуществляются с невиданной до сих пор скоростью и по-настоящему в глобальном масштабе.

Может оказаться, что **в ближайшем будущем мы все будем рассчитывать за баррели нефти криптовалютой Фейсбука «ГЛОБАЛ КОЙН»**, что как минимум является доказательством того, что некоторые присутствующие здесь занимаются не совсем тем бизнесом. Вместе с этим, у

кого-то может появиться иллюзия, что технологические гиганты сделают энергетический рынок принципиально более прозрачным и эффективным, став панацеей в решении острых проблем современности. Большая гибкость часто означает большую волатильность, а цифровизация создает риски для сохранения коммерческой тайны и приводит к необходимости создания новых механизмов регулирования, дополнительного резервирования. **Сегодня у технологических компаний нет качественных ответов на эти принципиальные вопросы.**

Дополнительно я бы предостерег коллег и попросил бы всех осознать, что технологические корпорации обладают невероятной властью, а **возможность использовать их глобальный статус и доступ к информации представляется слишком соблазнительной для различных ведомств из одной большой страны.** Поэтому я склонен считать, что регуляторные, санкционные и таможенно-тарифные дисбалансы скорее всего усилятся по мере вхождения американских технологических компаний на энергетический рынок.

4.1. Ответ отрасли: российские компании

В таких условиях Россия является одним из самых надежных участников мирового энергетического рынка, противопоставляя себя в этой роли недальновидной политике ограничений и неконкурентной борьбы.

Россия, наряду с США и Саудовской Аравией, входит в тройку мировых лидеров по добыче нефти. И хотя Россия по объему запасов (30 млрд тонн, или 219 млрд баррелей)

немного уступает оценкам, озвученным в отношении Саудовской Аравии (порядка 37 млрд тонн, или 266 млрд барр.), **самым главным конкурентным оружием российской нефтяной отрасли является не только текущая себестоимость.**

По оценкам большинства аналитиков и экспертов, лучший в мире портфель перспективных новых проектов находится именно в России. Запуск новых проектов будет увеличиваться и в ближайшие 2-3 года мы увидим вводы новых месторождений. Рыночные эксперты, включая Эда Морза из Ситибанка, говорят о том, что новые месторождения добавят около 1 млн баррелей в сутки добычи к 2022 году.

Мы во многом согласны с оценками аналитиков по поводу потенциала новых российских проектов. Новые проекты российской нефтяной отрасли имеют наилучший потенциал в мировой отрасли и по масштабу ресурсной базы, и по качеству нефти, и по показателям себестоимости. В то же время я вынужден констатировать, что несмотря на то, что эти оценки корректны, наши уважаемые коллеги-аналитики далеко не всё знают о перспективах российской Арктики, которая является стратегическим для нас регионом развития.

Этот приоритет обозначен, прежде всего, поручениями Президента Российской Федерации по развитию Северного морского пути, сформулированными с глубоким пониманием ресурсного потенциала региона и его центральной роли в части доступа как к азиатским, так и европейским рынкам.

Как говорят трейдеры – с хорошей возможностью арбитража по направлениям поставки.

Ресурсный потенциал российской Арктики для возможных проектов «Роснефти» превышает 20 млрд тонн нефти – эта оценка включает в себя как проекты в Карском море, где с учетом предстоящего бурения мы, я думаю, превысим запасы в 15 млрд тонн, так и на севере Красноярского края, где нас ждут великие открытия и масштабные проекты, которые окажут серьёзное влияние на мировую нефтяную отрасль.

Как уже знают мои коллеги из «БИ ПИ», с которыми у нас есть совместные проекты в районе полуострова Таймыр, недропользователи в этом регионе, в частности, на Пяйяхской группе месторождений, на днях получили выдающиеся результаты по показателям продуктивности **поисково-разведочного бурения**, граничащие с самыми высокими дебитами, которые когда-либо были зарегистрированы и в России, и в той же Саудовской Аравии – 720 тонн в сутки при 3-х миллиметровом штуцере на регуляторе потока на устье скважины. Я специально упомянул о сечении штуцера, потому, что при пятимиллиметровом этот приток мог бы быть больше.

На наш взгляд, только по консервативным оценкам, север Красноярского края на суше содержит порядка 5 млрд тонн запасов нефти.

Мы уже доложили об этих результатах руководству страны и получили поддержку по его реализации. Речь идет о едином интегральном проекте, который включил бы в себя ресурсную базу и инфраструктуру действующего

Ванкорского, Сузунского и Тагульского месторождений, а также ряд новых крупных проектов, расположенных к северу от Ванкора, в том числе, Пайяхской и Западно-Иркинской группы в российской Арктике.

В настоящее время мы ведем работу в Правительстве Российской Федерации, направленную на законодательное оформление комплекса инвестиционных стимулов, позволяющих обеспечить рентабельность и глобальную конкурентоспособность этого нового Арктического кластера, который станет основным источником грузопотока для загрузки Северного морского пути и громко заявит о себе в ближайшие годы на мировой арене.

Выход в новые регионы будет поддерживаться безостановочным технологическим перевооружением российской нефтяной отрасли. Эксплуатационное бурение в России неуклонно растет, при этом повышается его технологический уровень и доля горизонтального бурения уже достигла 50%. Некоторые аналитики замечают, что рост горизонтального бурения в России примерно соответствует американским показателям с отставанием порядка 10 лет. Нужно отметить, что сами же эти аналитики признают, что повсеместного применения технологически сложного, дорогостоящего бурения на традиционных месторождениях в России не требуется, ведь структура российской ресурсной базы одна из лучших в мире.

Россия также занимает первое место в мире по объемам экспорта газа, являясь уже на протяжении более чем 50 лет надежным и выгодным поставщиком газа в Европу, при этом,

если разрешите допустить мне здесь долю иронии – **несмотря на полную идентичность молекул нашего метана с американскими молекулами, российский газ на 30% дешевле американского СПГ.**

5. Новые горизонты Компании

Теперь позвольте сказать несколько слов о «Роснефти». Первым и безусловным приоритетом для нас является забота об окружающей среде, безопасность труда и сохранение жизни. Так, в стратегии «Роснефть-2022» первым пунктом определено развитие безопасного и экологически ответственного бизнеса. К 2022 году стратегией поставлена цель войти в первый квартиль международных нефтегазовых компаний в области промышленной безопасности, охраны труда и охраны окружающей среды.

Недавно мы дополнительно усилили приверженность этим задачам, присоединившись к целям устойчивого развития ООН. Позавчера мы также присоединились к инициативе ведущих международных нефтегазовых компаний и подписали «Руководящие принципы по снижению выбросов метана».

В части финансовых и производственных показателей компания прошла длинный путь и сегодня, безусловно, входит в число мировых энергетических лидеров. Хочу

привести несколько цифр, которые характеризуют динамику развития «Роснефти» за прошедшие 20 лет.

- Добыча углеводородов Компанией увеличилась в 17 раз до 286 млн т нефтяного эквивалента в 2018 году. Доля Компании в мировой добыче нефти увеличилась с 0,4% до 6%.
- Выручка выросла более чем в 240 раз, инвестиции – в 160 раз. «Роснефть» сегодня инвестирует каждый 12-й рубль в России. Доля «Роснефти» в ВВП производственного сектора России превышает 15%.
- **Налоговые платежи «Роснефти» играют важную социальную роль, именно поэтому развитие Компании и рост связанных с новыми инвестициями поступлений является настолько приоритетной задачей. Сегодня, только рентный платеж НДС «Роснефтью» составляет порядка 15 тыс. рублей в год в расчете на одного жителя России (или же около 50 тыс. рублей в год в расчете на одного российского пенсионера).**

Важным фактором поддержания конкурентоспособности «Роснефти», вне всякого сомнения, является технологическое развитие. Реализация передовых технологий позволяет Компании добиваться высокой успешности геологоразведочных работ и рекордных приростов запасов. По итогам 2018 года коэффициент замещения доказанных запасов «Роснефти» составил 173%. На финальной стадии разработки находится бескабельная технология сейсморазведки, показавшая потенциал увеличения скорости

сейсмической съемки в 2-4 раза, повышения качества и снижения ее себестоимости.

Технологичная добыча открывает для нас новые горизонты в части трудноизвлекаемой и высоковязкой нефти, объемы добычи которой в 2018 году выросли на 16% к уровню 2017 года и составили 19 млн т. Это важный шаг к достижению поставленной нами в стратегии «Роснефть-2022» цели по добыче 33 млн т трудноизвлекаемой нефти в 2022 году, что более чем в 4 раза превышает уровень 2014 года. Максимальный уровень добычи может быть достигнут после 2025 года, а кратность таких запасов составляет более 60 лет.

В качестве примера, «Роснефтью» разработана собственная высоко-технологичная основа буровых растворов «РОСНЕФТЬ ДРИЛТЕК БИ 2» для повышения эффективности бурения сложных горизонтальных скважин и снижения воздействия на окружающую среду. Новый продукт обладает более низкой вязкостью и превосходит аналоги по техническим и эксплуатационным характеристикам.

Одной из основных технологий для разработки таких запасов является применение горизонтальных скважин, в том числе с многостадийным гидроразрывом пласта. В 2018 году было введено около 100 скважин с увеличенным количеством стадий гидроразрыва, а также с длиной горизонтального ствола более 1 километра. Разработанный нами гибридный ГРП позволяет интенсифицировать добычу из сложных геологических пластов, в которых ни одна иная технология ГРП не давала результата.

Освоена и успешно применяется технология строительства многозабойных скважин по технологии

«фишбон» с количеством ответвлений до 7 стволов и общей протяженностью свыше 6 километров – в 2018 году пробурена 81 такая скважина.

В прошлом году я уже отмечал отличную возможность для повышения эффективности взаимодействия с государством на показательном примере изменения налогообложения и продолжения эксплуатации крупнейшего Самотлорского месторождения. Прошел всего год, но предоставленные стимулы уже дали результаты! Благодаря росту добычи в 2018 году за счет предоставления стимулов, бюджет дополнительно получил более 20 млрд рублей, и это не принимая в расчет увеличение доходности для акционеров, контролирующим из которых является само же Правительство Российской Федерации. Тренд добычи на месторождении, которая падала на 5% в год, оказался переломлен.

С учетом этого мы завершаем работу с уважаемым Минфином России по созданию инвестиционных стимулов для крупных, знаковых проектов Компании – как в Западной Сибири, так и в новых стратегических регионах, которые обеспечат перспективную добычу и позиции страны на мировых рынках на ближайшие десятилетия. Работа в этом направлении ведется, и я уверен, что Правительство России найдет качественный ответ новой фазе конкуренции фискальных режимов.

Дополнительно хочу вас проинформировать о важном событии для развития системы нефтепродуктообеспечения Дальнего Востока – наша Компания заключила с

ПАО «Транснефть» соглашение о поставке до 8 млн т нефти в год на Комсомольский НПЗ через только что введенный в эксплуатацию нефтепровод-отвод ВСТО-Комсомольский НПЗ, что поднимает капитализированную эффективность переработки на заводе более, чем на один млрд. долларов

Резюмируя, отмечу, что в текущей непростой ситуации как никогда важно противопоставить нерыночным инструментам эффективную кооперацию и взаимовыгодное сотрудничество.

Я уверен, что многие из нас в своих выступлениях и ремарках далее на панели будут говорить о феномене распада рыночных механизмов, но ни в коем случае не нужно воспринимать эти явления как приговор отрасли. **Наиболее подготовленные, позаботившиеся о ресурсной базе, работающие как с нефтью, так и с газом компании, и компании, сделавшие упор на востребованную потребителем продукцию, гарантировавшие себе рынки сбыта, продолжают показывать высокие результаты.**

Не исключу также, что облик мировой отрасли может измениться – с возможным выбытием из отрасли тех компаний, которые вышеперечисленными характеристиками не обладают. Для «Роснефти», я уверен, «все, что нас не убивает, делает нас сильнее», поэтому в нашем обсуждении я прошу не забывать о том большом пути, который прошли лидеры отрасли, несмотря на тактические вызовы, геополитическую и ценовую волатильность.

По настоящему, «Золотая эра» может быть действительно «золотой» только для всех участников

рынка.

Поэтому наша общая задача состоит в том, чтобы создавать условия для бескризисного развития нефтяной отрасли и мировой экономики. Здесь важны все аспекты – кроме взаимных договоренностей необходимо обеспечивать максимальную прозрачность и предсказуемость работы рынка. **Важнейшие инструменты устойчивости – долгосрочные контракты, взаимное участие в проектах и неукоснительное соблюдение контрактных обязательств.** Эти инструменты и принципы сделали в том числе и «Роснефть» мировым лидером среди публичных компаний отрасли. Уверен, реализация проектов, о которых я проинформировал, придаст импульс дальнейшему стремительному развитию Компании.

Приглашаем в наши проекты всех заинтересованных партнеров. Эффективность наших проектов мы доказывали уже не раз.

Благодарю за внимание!

Желаю вам мира и процветания!